

— Хорошо, сначала вернёмся назад, — Жо Е схватила Чжун Минчжу, и их фигуры мгновенно исчезли.

В трёхстах ли к северу от Цзяояо, в густом лесу у подножия Горы Хэсю, который спал много лет, теперь раздавались звуки, не принадлежащие древнему лесу.

Легкий шорох, и белый силуэт остановился на тонкой ветке среди крон деревьев. Это была ласка-молния. Она лишь ненадолго задержалась, огляделась и исчезла, не оставив даже следа.

Через мгновение ещё один белый силуэт пронёсся мимо, кончик ноги слегка коснулся ветки толщиной с палец, и он устойчиво встал на неё. Чёрные глаза отражали следы духовной энергии, оставленные лаской, и в следующее мгновение он бросился в погоню.

Это была Чан Ли. Она должна была прибыть в Цзяояо семь-восемь дней назад, но по пути ласка украдала её нефритовую табличку, и ей пришлось повернуть обратно, чтобы догнать зверька.

Она уже узнала от своего дяди-наставника, что Чжун Минчжу находится в Цзяояо. Поскольку ученик был в безопасности, возвращение таблички стало главной задачей. Перед спуском с горы Юнь И строго наказал ей следить за табличкой, иначе последствия могли быть катастрофическими.

Хотя ласка была маленькой, она не была обычным зверем, а демоническим существом, чья духовная сила даже превосходила Чан Ли, а скорость была невероятной. Чан Ли гналась за ней несколько дней, но всегда отставала на шаг, особенно в густом лесу, где расстояние увеличилось.

Если бы это был обычный лес, она могла бы просто сравнять его с землёй, чтобы заставить ласку показаться. Но этот лес существовал уже тысячу лет, и древние деревья, хотя и не имели шанса обрести форму, уже не могли быть легко уничтожены. Она могла только следовать за лаской, кружась в лесу.

Внезапно впереди почувствовался сильный демонический дух, принадлежащий не ласке, а другому демоническому зверю.

В следующее мгновение она увидела, как кровавый свет прорвался сквозь облака, а зловещая ци чуть не поглотила небо.

Не раздумывая и не останавливаясь, чёрные глаза оставались спокойными, как вода. Раздался звон меча, и её фигура прорвалась сквозь густые тени деревьев, держа в руке меч Фэньцзяо. Чёрный меч был направлен на кровавый свет, и ледяное ци меча было готово к удару, но остановилось на кончике меча, когда она увидела, что происходит впереди.

Впереди была открытая долина, земля была пропитана пятнами крови, и огромный демонический зверь был уже мёртв. Рядом с зверем стояла высокая женщина.

Чан Ли не знала её, но узнала серо-зелёную одежду и нефритовую табличку на поясе.

Узор на табличке показывал, что она, как и Фэн Хайлоу, была ученицей шестнадцатого поколения.

Шаг за шагом подходя к женщине, Чан Ли не убрала меч, а наоборот, сконцентрировала ещё более леденящее ци меча.

Она не была близко знакома с членами секты, но и не была полностью в неведении. Когда-то по совету Чжун Минчжу она посетила другие вершины и знала, что среди учеников следующего поколения самым сильным был лишь практикующий на поздней стадии золотого ядра. Даже если кто-то прорвался за эти годы, это мог быть только практикующий на начальной стадии зарождающейся души. Эта женщина была на поздней стадии зарождающейся души, намного превосходя её, почти наравне с Юнь И, и излучала зловещую ци, не принадлежащую методам секты Тяньи.

Женщина, должно быть, давно заметила её приближение, но не реагировала, её лицо было холодным, и она медленно вытаскивала меч из тела зверя.

Это был кроваво-красный меч, даже рукоять сверкала зловещим красным светом. Одного взгляда было достаточно, чтобы почувствовать сильный запах крови. Затем тело зверя словно растаяло, постепенно разрушаясь, пока не превратилось в кровавый туман, который впитался в меч, оставив лишь разрушенный скелет.

Меч сверкал, как будто кровь медленно текла по нему, бесконечно. По мере приближения Чан Ли кровавый свет на мече становился всё ярче, и он слегка задрожал.

Казалось, в ушах раздался рёв.

Женщина медленно подняла меч, и глаза, поднятые на Чан Ли, были того же кровавого цвета, что и меч. Она произнесла низким голосом:

— Твой меч — это тот самый?

Почувствовав убийственную настрой, готовый материализоваться, Чан Ли остановилась. Её больше интересовала личность женщины, чем меч.

Потому что она была ученицей секты Тяньи.

Это было одно из немногих существ в мире, с которыми она была связана.

Она попыталась использовать духовное восприятие, чтобы прочесть имя на табличке женщины, но столкнулась с препятствием. Зловещая ци образовала непроницаемый барьер вокруг неё, и даже лицо иногда скрывалось за клубящимся чёрным туманом, делая его неразличимым.

— Кто ты? — спросила Чан Ли.

Женщина не ответила. Лезвие меча описало точную дугу, и самый острый конец был направлен на лоб Чан Ли. Она сказала:

— Сразимся.

Низкий голос, исходящий от неё, казался не её собственным, как будто смешанным с чем-то ещё.

До смерти.

Меч взлетел, очерчивая красную линию, словно медленно нарисованную тонкую черту. За ней последовал рёв боевого духа, готового разорвать долину на части.

В то же время чёрный меч очертил мягкий свет, и ци меча стало леденящим, направленным

навстречу кровавому свету.

С лязгом мечи столкнулись, и на мгновение всё замерло.

Мир стал беззвучным — а затем началось разрушение.

Вся долина была изрезана ци меча, ни одного целого места. Древние деревья у края долины были вырваны с корнем и мгновенно превратились в пыль.

Земля рухнула, и небо изменилось. Облака сгустились, и начались вспышки молний.

Две фигуры поднялись на высоту в сто чи. Чан Ли стояла на летающем мече, а женщина перед ней стояла в воздухе, как на земле, и кровавый меч излучал всё более яркий цвет. Если раньше это был просто меч цвета крови, то теперь он выглядел как сама кровь.

Чан Ли успокаивала беспорядочное ци в груди. Методы секты Тяньи уже не могли сдерживать необузданное ци меча, и она переключилась на метод, которому научил её Байли Нинцин, что позволило ей удерживать меч.

Её противник был сильнее, и его удары были намного острее. Даже ци меча приносило пронизывающую боль до костей. Это не были методы секты Тяньи, не были они и каким-либо известным ей стилем.

Возможно, это даже нельзя было назвать стилем —

Без правил, только слово «убить».

Несколько раз она не могла взять верх, но это было не так, как в бою с Байли Нинцин.

Чёрные глаза отражали кровавый свет, и она поняла.

С ней сражалась не женщина, а меч. Обычно практикующий был хозяином, а оружие — слугой, но перед ней было наоборот.

— Меч был хозяином, а держащий меч — слугой.

Она смотрела на меч, и странное чувство начало распространяться из глубин её духовного моря. Она не знала, что это было, и не могла понять, потому что следующая атака уже началась, и она направила летающий меч навстречу ей.

На близком расстоянии атака противника внезапно изменилась, направляясь в её сердце. Она не ожидала этого, но в момент изменения удара повернула лезвие меча.

Это, казалось, было инстинктивной реакцией. Когда кровавый свет был готов пронзить её сердце, чёрный меч вонзился прямо, разделяя кровавое лезвие и белую одежду тонкой чёрной линией. Затем меч слегка качнулся, и две фигуры разошлись, а лезвия снова столкнулись.

На этот раз звук был немного глуше.

Тонкая чёрная тень вылетела и упала на землю, а в руке Чан Ли осталась лишь рукоять меча Фэньцзяо с тремя цунями лезвия.

Женщина остановилась неподалёку, кончик меча всё ещё направленный на её лоб, и холодно сказала:

— Твой меч сломан.

— Да, — Чан Ли в последний раз посмотрела на меч, который был с ней с детства, и отпустила его. Теперь у неё не было меча.

— Ты проиграла, — в голосе женщины появилась лёгкая дрожь, как будто она наконец получила то, что так долго ждала.

Чан Ли, казалось, не осознавала своего положения. Её лицо оставалось спокойным. Меч, направленный на её лоб, или убранный в ножны — ей было всё равно. Она задала тот же вопрос, что и в начале:

— Кто ты?

Женщина посмотрела на неё и тихо назвала своё имя.

— Это Лю Ханьянь, — Ли Ян пыталась подняться с кровати. — Она убила моих подчинённых, нужно остановить её, чтобы она не продолжала убивать...

Она только встала, как лёгкое прикосновение руки к плечу снова уложило её. Неизвестно, намеренно или случайно, но рука попала на ещё не зажившую рану, и она согнулась от боли, не в силах даже пошевелиться.

— Какое там остановить, ты даже из этой комнаты не сможешь выйти.

Мягкий голос звучал бы утешительно, если бы не ирония. Подняв глаза, она увидела знакомое лицо.

<http://bllate.org/book/16292/1468761>